

Для цитирования: Нижников, С. А.
 Этические взгляды Л. Д. Троцкого:
 проблема насилия /
 С. А. Нижников, Р. А. Шафиков //
 Социум и власть. — 2024. —
 № 2 (100). — С. 76—90. —
 DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-76-90. —
 EDN KDIKTW.

УДК 17.03; 32

EDN KDIKTW

DOI: 10.22394/1996-0522-2024-2-76-90

ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ Л. Д. ТРОЦКОГО: ПРОБЛЕМА НАСИЛИЯ¹

Нижников Сергей Анатольевич,
 Российский университет дружбы народов
 им. П. Лумумбы (РУДН),
 профессор кафедры истории философии,
 доктор философских наук, профессор.
 Москва, Россия.
 ORCID: 0000-0002-3456-2445
 E-mail: nizhnikov_sa@pfur.ru

Шафиков Родион Анатольевич,
 Российский университет дружбы народов
 им. П. Лумумбы (РУДН),
 бакалавр философии.
 Москва, Россия.
 ORCID: 0009-0004-4756-9170
 E-mail: 1032201157@pfur.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется проблема обоснования морали в революционной деятельности на примере статей Л. Д. Троцкого. Актуальность статьи связана с рассмотрением в ней этических идей, во многом общих для марксистской и вообще лево-радикальной философии. Кроме того, рассматриваемые нами работы Л. Д. Троцкого, по политическим причинам, вошли в свободный научный оборот сравнительно недавно, к настоящему моменту не получив достаточного объема разносторонних академических комментариев, прежде всего философских.
Цель исследования — проанализировать позицию Л. Д. Троцкого относительно использования насилия как средства

достижения политических целей, выявить основные аргументы и принципы, лежащие в основе его подхода к этой проблеме, а также оценить его влияние на политическую мысль и практику. В результате анализа авторы стремятся представить читателям более глубокое понимание проблемных этических аспектов использования насилия в политике через призму идей и взглядов Льва Троцкого.

Методы. В исследовании применялись исторический и герменевтический методы. Первый позволяет исследовать контекст времени, в котором развивались этические взгляды Л. Д. Троцкого, а второй — выявить в его текстах основные принципы и идеи, характерные для революционного радикализма. Кроме того, использовались общенаучные методы: анализ, синтез, сравнение и обобщение, позволяющие упорядочить материал, выявить закономерности и сделать выводы на основе сравнения этических взглядов Л. Д. Троцкого с различными этическими системами, выделяя в этих взглядах их сильные и слабые стороны.

Научная новизна исследования. Авторы акцентируют внимание на проблемности обоснования морали в статьях Л. Д. Троцкого, прежде всего, таких как «Терроризм и коммунизм» (1920) и «Их мораль и наша» (1938, написанной в изгнании). При этом анализируются западные исследования по данной теме, а также полемика, развернувшаяся у Троцкого с Берtrandом Расселом. Отмечается, в опоре на высказывания Ф. М. Достоевского, что построение справедливого общества невозможно при помощи аморальных средств, так как цель способна трансформироваться в зависимости от методов ее достижения. Вскрывается проблемность понятия совести и возможные варианты ее неадекватного толкования: (1) когда происходит подмена ею морально-метафизического идеала (И. Кант, Л. Толстой), или (2) она вовсе объявляется «химерой», отождествляясь с эгоистическими устремлениями, необходимостью захвата и удержания власти, прикрываемыми какими-либо идеалами. Указывается, что

¹ Публикация выполнена в рамках инициативного проекта НИР ФГСН РУДН № 100343-0-000. «Русская философия на перекрестке культур: в поисках диалога».

вторая позиция характерна для Л. Троцкого, пытавшегося «морально» оправдать тотальное революционное насилие.

Результаты. Авторы приходят к выводу, что позиция Троцкого представляет по своей сути крайне утилитаристский и революционный вариант макиавеллизма, когда в угоду якобы благой цели оказывается возможным осуществлять массовые репрессии, приносить в жертву не только человека, но и целые народы.

Оказалось, что заклятые политические противники, Сталин и Троцкий, схожим образом оценивали роль насилия в политике. Вместе с тем запущенный маховик насилия не остановить так просто, погубил он и самого Троцкого. Тем не менее то, что Троцкий обратился к данной теме, говорит о важности решения моральных проблем, связанных с революционной практикой.

Ключевые слова:

Л. Д. Троцкий,
Б. Рассел,
мораль и политика,
нигилизм,
революционная деятельность,
марксизм,
большевизм,
совесть,
этика

Поступила: 14.03.2024

Принята: 28.05.2024

Дата печати: 30.06.2024

Права: © Нижников С. А.,

Шафилов Р. А. (2024).

*Опубликовано Челябинским
филиалом РАНХиГС. Открытый доступ
на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.*

Введение

Начиная уже с политической философии античности, вопросы этики и политики оказываются тесно переплетенными между собой. Этический вопрос — всегда вопрос философский. В то же время не все политики по-настоящему являются философами. Но нет ни одного действительно масштабного политического мыслителя и теоретика, который в своих работах не поднимался бы на философский уровень. Безусловно, одной из значимых величин политической мысли и философии левого политического спектра в истории XX века является Лев Давидович Троцкий (1879—1940), о котором давно замечено, что идеи его имели судьбу куда менее трагичную, чем их автор.

Работы Троцкого еще долго будут перечитываться, осмысляться, критиковаться и исследоваться. Мы сейчас остановимся на одном частном пункте его политического наследия — на этическом осмыслении насилия. По нашему мнению, главный вклад Троцкого в историю марксистской философии связан как раз с ее практическими вопросами. Речь идет о вопросах моральной оценки в рамках марксизма политического действия и политического насилия. Закономерно, что именно эта тематика особенно последовательно, на протяжении многих лет занимала интеллектуальное внимание Троцкого, ставшего одним из ключевых деятелей Красной армии, на которого справедливо возлагается ответственность за многие события Гражданской войны. Мы остановимся на двух трудах Троцкого, специально разрабатывающих выше-названные проблемы: на написанной в годы гражданской войны брошюре «Терроризм и коммунизм» (1920) [14] и на поздней статье «Их мораль и наша» (1938) [12] написанной в изгнании. Кроме того, мы обратимся по данной тематике к материалам публичной дискуссии, имевшей место между Львом Троцким и британским философом Бертраном Расселом.

Образы Троцкого в культуре

Запад знает Троцкого довольно давно, что позволяет американскому философу Ричарду Рорти соглашаться с расхожей характеристикой культуры Нью-Йорка 1930—1940-х годов как «троцкистско-элиотской» [9, с. 114]. Работы Троцкого по этике получали внимание и ответы, местами критические, местами комплиментарные, таких известных философов, как американский прагматист Джон Дьюи [3] и французский экзистенциалист Жан-Поль Сартр [10]. Восприятие трудов и деятельности русского революционера и критика сталинского режима за рубежом были достаточно специфичны. Его фигура нередко интерпретировалась как некая упущенная возможность политического развития Советского государства. Именно так в годы Перестройки оценивал личность Троцкого советолог Ричард Дэй [18, р. 167—170]. В этом плане он следует традиции, сформированной западными последователями и симпатизантами Троцкого, в значительной мере определявшими тон в политических дискуссиях по истории русских революций. Красноречиво на это указывает название крупной работы соратника Троцкого Э. Менделя «Троцкий как альтернатива» [20]. Исаак Дойчер, написавший трехтомную работу о жизни Троцкого [17], ставшую его классической биографией, также являлся американским «троцкистом». Западные исследователи нередко рассматривают данную фигуру в одном ряду с левыми интеллектуалами и неомарксистами Запада, такими как Антонио Грамши [22] и Вальтер Беньямин [23]. Даже если Троцкий противопоставляется в той или иной мере подобным мыслителям и в целом европейскому неомарксистскому движению, само существование подобных работ весьма красноречиво свидетельствует о глубоком влиянии его идей на современную политическую и философскую мысль.

В России мы видим совершенно другую ситуацию. Какой бы важной фигурой ни был Троцкий для истории СССР,

десятилетия вычеркивания его имени из истории сделали свое дело. Возвращение внимания исследователей к работам революционера и марксистского теоретика произошло, но их еще только ожидает полноценное включение в отечественный исторический и историко-философский дискурс. Можно сказать о том, что свой собственный образ Троцкого в России все еще не был создан. Очевидно, что таковой должен быть свободен как от теней, брошенных на фигуру революционера сталинской и послесталинской пропагандой, так и от его идеализаций зарубежными левыми интеллектуалами.

Современный философ-неомарксист Славой Жижек в своем предисловии к англоязычному изданию «Терроризм и коммунизм» пишет о трех существующих в культуре образах Троцкого, а именно это: 1) «обуржуазненный образ... антибюрократического Троцкого, либертарного критика сталинского термидора, сторонника рабочего самоуправления, сторонника психоанализа и современного искусства, друга сюрреалистов, и прочее» [24, р. VII]; 2) образ «Троцкого как “Агасфера”, “демона перманентной революции”, не способного найти покой в деле (вос)создания нового постреволюционного порядка» [24, р. VIII]; 3) образ «Троцкого как предшественника Сталина. Троцкого, который уже в 1920 году призывал к однопартийной диктатуре, милитаризации труда и так далее» [24, р. VIII]. Показательно, как все эти образы Жижек подвергает критике с тем, чтобы обратить внимание на диалектичность, сложность фигуры настоящего Троцкого, стоявшего за ними.

Действительно, взгляды и идеи Троцкого, как взгляды и идеи любого крупного марксиста — есть познание, что Троцкий и завершает плеяду настоящих величин этого направления — требуют определенной способности к диалектическому мышлению, никогда не застывающему на простых формулах и догмах. Не даром сам Троцкий многократно упрекал своих сталинских критиков в том, что они подменя-

ют подлинную диалектику эклектикой. Диалектически мыслитель видит и взаимозависимость целей и средств в политике. Он описывает это так: «Средство может быть оправданно только целью. Но ведь и цель, в свою очередь, должна быть оправдана. С точки зрения марксизма, который отражает исторические интересы пролетариата, цель оправдана, если она ведет к повышению власти человека над природой и к уничтожению власти человека над человеком» [12, с. 292].

В этой связи мнение Г. И. Чернявского, биографа Троцкого, о том, что для последнего «цели и средства не связаны нераздельно друг с другом» [16, с. 275], кажется не вполне справедливым. Скорее прав другой, зарубежный биограф, И. Дойчер, так описывавший этические положения Троцкого: «Моральные принципы запечатлены в истории и классовой борьбе и не имеют постоянной сути. Они отражают общественный опыт и потребности; а посему всегда должны соотносить средства с целью» [17, р. 1368]. Сам же Троцкий поясняет в выше процитированной работе: «Позволено все то, отметим мы, что **действительно** (выделение Троцкого — *Р. Ш.*) ведет к освобождению человечества. Так как достигнуть этой цели можно только революционным путем, то освободительная мораль пролетариата имеет, по необходимости, революционный характер» [12, с. 292]. Выделяя свое «действительно», здесь и далее Троцкий говорит о важности выбора методов, о необходимости помнить о том, что помогает, а что вредит большинству людей. Выбирая средства для благой цели, нельзя допустить, чтобы в своей произвольности эти средства повредили самой цели. По этому поводу Троцкий оставляет такую ремарку: «Эти критерии не дают, разумеется, готового ответа на вопрос, что позволено и что недопустимо в каждом отдельном случае. Таких автоматических ответов и не может быть. Вопросы революционной морали сливаются с вопросами революционной стратегии и тактики» [12, с. 293].

Остроумно замечание Г. И. Чернявского о том, что после публичной полемики о насилии Троцкого с К. Каутским, у чьей книги «Терроризм и коммунизм» Троцкий и взял название для своей одноименной брошюры, многие западные левые отвернулись от большевизма, «так что, оправдывая и превознося большевистский террор в России, Троцкий сослужил не лучшую службу делу международного коммунизма» [16, с. 275]. Эпатирование Троцким западного читателя дошло до того, что, по справедливой оценке, Б. Кней-Паца, на пути оправдания насилия «он делал из необходимости добродетель» [19, р. 248]. Пожалуй, это действительно тактически не верный ход автора этики, завязанной на тактических выгодах классовой борьбы. Из самого же подобного тактического, стратегического взгляда на мораль у Троцкого, во времена «Терроризма и коммунизма» еще говорившего от лица компартии в целом, возникает мнение, что целью большевиков был лишь захват власти любыми путями и средствами. Мы, однако, предположили бы, что такие фанатичные фигуры, как лидеры «старых» большевиков, были в своих убеждениях и идеалах достаточно искренни. Об этом свидетельствует, к примеру, Бертран Рассел, в книге «Практика и теория большевизма» (1921) описавший свой визит в советскую Россию в 1920 году и свою состоявшуюся в Москве часовую аудиенцию с Лениным: «[Ленин] совершенно лишен какого-либо своекорыстия, он олицетворение теории. Чувствуется, что материалистическое понимание истории вошло в его плоть и кровь» [7, с. 21]. И далее: «Его сила коренится, я думаю, в его честности, мужестве и непоколебимой вере — религиозной вере в евангелие от Маркса, которое занимает то же место, что и вера христианских мучеников в царствие небесное, но отличается меньшим эгоцентризмом» [7, с. 24]. Бертран Рассел написал в своей книге и абзац о Троцком, в котором заметил тщеславие «актера или художника», которое показалось английскому философу большим, чем жажда власти,

однако Рассел добавил: «Но мне не представилось случая испытать силу его [Троцкого] коммунистической убежденности, которая, возможно, очень искренна и глубока» [7, с. 25].

Троцкий, несомненно, производил сильное впечатление на зарубежных авторов и журналистов. Трижды попадая на обложку журнала «Time», уже после изгнания неоднократно выступая перед западной публикой, он, будучи талантливым политиком, смог создать себе определенный публичный имидж. Следы этой игры политика с аудиторией, ее эпатажа и пафоса обнаруживают себя и в его исторических, и в теоретических работах. Не представляется, чтобы Троцкий был в этом неискренен. Во многом он органично слился своей личностью с теми идеями, которые постулировал и транслировал в ходе политической борьбы. Как политик эпохи модерна, Троцкий был ярким носителем своего метанарратива, своих коммунистических вер с самой горячей в них убежденностью.

Полемика с Бертраном Расселом

Отдельным примечательным эпизодом из литературного и теоретического творчества Льва Троцкого может быть его полемика с британским философом Бертраном Расселом в 1925—1926 гг. Начавшаяся вокруг тактических вопросов стратегии английского рабочего движения, эта полемика напрямую оказалась связанной и с этической проблемой насилия. И хотя политическая звезда Троцкого в СССР уже клонилась к закату, мысли революционера, с которыми была связана эта история, получили большое международное внимание.

Все началось с публикации Троцким в 1925 г. работы «Куда идет Англия?» [13]. Эпизодическая в библиографии автора, эта книга вызвала широкий международный резонанс, практически сразу будучи издана на английском языке. В этой работе Троцкий констатировал — как считается, одним из пер-

вых — экономическое и политическое возвышение США и потерю Британской империей ее бывшего первенства и величия. Кроме того, резкой и жесткой критике Троцкий подвигает лидеров английского рабочего движения. В них больше всего его возмущают их пацифистские и примиренческие настроения, их нежелание бороться за социализм революционным путем. Помимо простого упования на достижения социализма через участие в парламентском выборном процессе, Троцкий выделяет отдельные специфичные идеи английских левых, вроде мыслей о возможности сохранить монархию при построении социалистического строя, или мнения, что общественное положение англиканской церкви не вступило бы в противоречие с этим предполагаемым социалистическим строительством. Троцкий указывает на невозможность разрешения сложившихся в Англии противоречий мирным, парламентским путем и говорит о пути революционном как о единственном приемлемом в данной ситуации.

Публикация данной работы, как было сказано, вызвала широкий ажиотаж в странах Запада. Труд Троцкого получил множество ответов, в том числе ответов критических. Среди них был и ответ философа Бертрانا Рассела, в первые годы после Октябрьской революции значительно заинтересованного социалистическим экспериментом, хотя поездка в Советскую Россию в 1920 году и вызвала в нем по большей части разочарование.

Тем не менее Рассел все еще следит за событиями в международной политике большевиков, и после выхода работы Троцкого пишет на нее свой ответ. Эта статья, называемая «Троцкий о наших грехах» [8], была замечена русским революционером. Когда в 1926 году он подготовил второй выпуск работы об Англии, включавший ответы критикам, ответ Расселу, озаглавленный как «Еще раз о пацифизме», тоже там содержался [11]. Кроме того, сама статья Рассела была опубликована в переводе на русский язык в приложениях книги.

Из всех критиков Рассел более других высказывает согласие с Троцким по отдельным вопросам. Он отмечает за Троцким высокую осведомленность во внутриполитических делах Англии, по большей части присоединяется к его замечаниям о наивности солидаристских настроений в кругах английских социалистов. В то же время тем самым он делает небольшое отступление лишь для собственных критических выпадов.

Рассел упрекает Троцкого в непоследовательности. По его мнению, верно отметив снижающуюся экономическую и политическую роль Англии в мире, революционер забывает об этом, когда желает и советует островному государству встать на путь революционного переустройства. По мнению Рассела, эта затея обречена на провал и может сулить Англии и ее народу, в том числе и рабочему классу, лишь большие беды. Рассел обращает внимание на невозможность для предполагаемой социалистической Англии своими силами противостоять США, которые с большой вероятностью отправят свой флот на подавление очага революции. СССР же, по замечанию философа, при таком раскладе едва ли сможет всерьез помочь английским революционным рабочим своими силами, за неимением ко времени полемики своего боееспособного флота. Искреннее же сочувствие советского правительства, по мнению Рассела, едва ли может всерьез помочь пролетариату Англии перед лицом американской угрозы.

Как следует из названия ответа Троцкого на критику Рассела, значительная часть его текста была обращена к проблематике пацифизма. Троцкий иронизирует над тем, что «пацифист Рассел считает невозможным приступить к перевороту в Англии, до тех пор, пока Соединенные Штаты сохраняют могущественный флот» [11, с. 53]. Здесь Троцкий создает «соломенное чучело». Биограф Рассела Рэй Монк указывает на то, что Троцкий допускает тут ошибку, считая взгляды британского философа пацифистскими [5, с. 90]. Троцкий, од-

нако, предпочел напомнить Расселу о флоте английском, нежели разбираться всерьез в его взглядах. По мнению марксистского теоретика, ключевым окажется вопрос, в чьих руках будет этот флот при революционном сценарии. Если им смогут завладеть английские рабочие, пишет он, то им будет что противопоставить американской угрозе. Если же контроль над флотом сохраняют капиталистические, империалистские силы, то вовсе не от Америки будет прежде всего исходить угроза для пролетарской революции в Англии [11, с. 53—54]. Отдельный интерес для исследователя могут представлять скрупулезно описанные подробности того, как именно марксисты, по мнению Троцкого, должны вести агитационную работу в среде моряков: в этой растянутой части ощущается живой и свежий организаторский и пропагандистский опыт революционера.

Имело место и другое полемическое столкновение Рассела и Троцкого в этом эпизоде. Указывая на губительность революционного пути для Англии, Рассел предполагает в Троцком не самого благонадежного советчика: «Троцкий ненавидит Англию и английский империализм — правда, не без основания, — поэтому ему не следует доверять, когда он подает советы» [8, с. 74]. По мнению философа, бедствия, которые должны будут последовать для Британии вслед за революцией, окажутся губительны для нее. Рассел достаточно неожиданно реконструирует свою версию мотиваций революционных советов Троцкого: «Он становится патриотом, когда дело доходит до конца; коммунистическая революция в Англии была бы выгодна для России, и поэтому он рекомендует ее нам, не взвесив беспристрастно, будет ли она выгодна для нас» [8, с. 74].

Для такого ортодоксального марксиста, как Троцкий, это, конечно, серьезное обвинение, которое революционер решительно отвергает. Подобного рода критика не адресована исключительно и лично ему — она встраивается в ряд публичных обвинений большевиков

в «советском империализме», высказываемых зарубежными политиками и публицистами начиная с 20-х гг. XX в. Троцкий не упускает возможности заметить контекст этих обвинений и риторику, предшествующую им: «Такого рода обвинения начались с того времени, когда буржуазия убедилась, что наша партия взяла власть серьезно и не собирается уходить. В период, предшествовавший захвату власти и непосредственно следовавший за ним, обвинения имели... противоположный характер. Большевиков обвиняли в том, что им чужды национальные чувства и патриотические соображения, и что вожди их проводят в отношении России политику Гогенцоллерна» [11, с. 60].

Троцкий совершал ошибки и как политик, и как мыслитель, ровно как он прибегал к собственным политическим манипуляциям фактами и оценками. Тем не менее, трудно заподозрить его в неискренности, когда он дает такой ответ на публичные обвинения большевиков западными интеллектуалами, включая Рассела: «“Патриоты” ли мы? В такой же мере, в какой мы были “анти-патриотами” во время империалистической войны. Методами государственной власти мы отстаиваем те же интересы, за которые боролись методами восстания: интересы мирового пролетариата» [11, с. 61]. Можно спорить, насколько верно и неискаженно Троцкий видел эти интересы мирового пролетариата, и подбирал ли верные средства для их отстаивания. Несомненно при этом, что из ненависти к английской буржуазии направлять рабочих Англии по заведомо невыгодному для них пути он бы не стал.

Мы не соглашаемся с мнением Г. И. Чернявского о том, что полемики, по существу, в эпизоде спора Троцкого и Рассела не было [16, с. 384]. Этот прецедент многое говорит прежде всего о Троцком. Он показывает его принципиальное отрицание идеи демократического, то есть неревolutionного и ненасильственного достижения благ социализма. Новые яркие штрихи были

сделаны революционером и по части его классовой критики пацифизма, который, по мнению Троцкого «обращается лицом не столько к военной организации буржуазного господства, сколько к рабочим массам... проповедует вред вооружения тем, которые и без того разоружены и являются жертвами классового насилия» [11, с. 55].

Проблемность понятия совести, соотношение цели и средств

Убежденность еще не говорит о правоте, так как и совесть может быть не чистой, — она зависит от сформированности у личности морального идеала, на который она должна ориентироваться. Однако в марксизме, как натуралистическом мировоззрении, место идеала занимает в онтологии категория материи, а в истории — коммунизм. При этом цель оправдывает средства, как у Макиавелли, а из материи никакими ухищрениями невозможно вывести мораль. Более того, как заметил в своем ответе на статью Троцкого «Их мораль и наша» американский философ-прагматик Д. Дьюи, сам революционер то и дело теряет из виду цель — достижение освобождения человечества — выбирая средства для нее лишь на основании своего ортодоксального марксистского мировоззрения: «...Средства “выводятся” [Троцким] на основе независимого источника, вымышленного закона истории, который есть закон всех законов социального развития... Средства “выводятся” не из рассмотрения цели — освобождения человечества, — а из другого, внешнего источника» [3, с. 247—248]. Этим внешним источником становятся для революционеров, по замечанию И. Примораца, интересы революции, которые те провозглашают высшим моральным законом [21, р. 24]. Интерпретируя Ницше можно сказать, что самые большие беды приносят человечеству люди с «чистой совестью» — радикалы, революционеры всех мастей. У чистой совести оказывается нечистая совесть. Эти парадоксы описаны в творчестве

Ф. М. Достоевского: бойтесь благодетелей человечества, предупреждает он [3].

В отличие от Канта, для которого совесть является метафизическим идеалом, у Достоевского совесть является динамичной и противоречивой, отражая трагизм человеческого бытия». Можно сказать, что у каждого из его персонажей — «своя» совесть. Рассматривая совесть с историко-философских позиций можно сказать, что это понятие зависит от эпохи, этапа исторического развития общества, того идеала, который в нем существует. Рождаясь в «осевое время» (К. Ясперс), — можно сказать, вместе с Сократом (Гегель), — совесть постепенно углубляется и утончается, переходя в христианстве в сферу мотивов, намерений сердца.

Совесть выступает посредницей между моральным (метафизическим) идеалом и реальной жизнью. А так как они противоположны, то совесть является своеобразным медиатором, диктующим человеку как поступать так, чтобы по максимуму соответствовать недостижимому моральному идеалу. Именно она определяет, как следует поступать «здесь и сейчас», чтобы реализовать максимум добродетели в существующих условиях.

Возможны два вида искажений совести: или перенос ее «вверх», в сферу духовного идеала, когда она по сути его подменяет (моральный ригоризм И. Канта и Л. Толстого, когда происходит догматизация заповедей «не солги» и «не убий», отрыв их как от духовной основы, так и от реальной жизни). В этом случае совесть занимает место Бога, в то время как в религии она лишь «глас Божий». Во втором варианте она опускается «вниз», или даже вообще объявляется «химерой», на которую не стоит обращать внимания. Здесь она наоборот, низводится на уровень эмпирической жизни: требований борьбы за существование, классовой борьбы, революции и т. д. Именно этот второй вариант по сути мы и наблюдаем у Л. Троцкого. Вместе с тем последний все же не был откровенным фаши-

стом, и совесть (возможно, ее остатки), видимо, не давала ему покоя, заставляя то и дело обращаться к проблеме обоснования революционной морали. Может быть, это его стремление и вообще не имело отношения к остаткам совести, а определялось необходимостью оправдать тотальное революционное насилие.

Также парадоксальным образом самая широкая советская демократия завершается изощренным тоталитаризмом. Троцкий противопоставляет советский режим парламентскому как раз тем, что именно власть советов дает массам более подлинный, нежели парламентаризм, способ осуществления своей власти: «Если парламентский режим даже в эпоху “мирного”, устойчивого развития был довольно грубым счетчиком настроений в стране... то советский режим несравненно ближе, органичнее, честнее связанный с трудящимся большинством народа, главное свое значение полагает не в том, чтобы статистически отражать большинство, а в том, чтобы динамически формировать его. Вставши на путь революционной диктатуры, рабочий класс России тем самым сказал, что свою политику в переходный период он строит... на фактическом вовлечении крестьянских масс, рука об руку с пролетариатом, в дело управление страной в подлинных интересах трудящихся масс. Эта демократия поглубже парламентаризма» [14, с. 44]. Однако исторически, как известно, советская демократия закончилась подавлением Кронштадтского восстания, а народовластие в итоге было подменено партократией, жертвой которой в итоге стал сам Лев Давидович. Революция, как известно, пожирает и своих отцов, и своих детей, совершая обороты «красного колеса» (А. И. Солженицын).

Итак, стремясь к освобождению людей, к реализации ими подлинного демократического самоуправления, Троцкий встает на путь апологетики революционной диктатуры и революционного насилия. Тут возникает сам по себе вопрос, каким образом одно

может у него сочетаться с другим? Здесь мы вынуждены вновь поднять вопрос о сопротивлении злу силой. С точки зрения многих левых мыслителей, не верно, что политика радикально противостоит насилию, что она в подлинном смысле есть там, где насилия нет. Насильственное растворено в политическом и экономическом, что все политическое и экономическое скрыто или явно содержит насилие в себе: если в открытой форме это выражается в виде войны с внешним врагом или в форме внутреннего террора, то в скрытой — это юридическое и экономическое принуждение, постоянно действующее на человека во всех сферах общественной жизни. На несправедливое насилие справедливо отвечать насилием.

В экономической сфере это можно пояснить на примере, предложенном таким крупным отечественным мыслителем левого толка, как анархист Петр Кропоткин. Он в работе «Нравственные начала анархизма» писал про историю Джека Потрошителя, убивавшего в Лондоне женщин, занимавшихся проституцией. Кропоткин заметил, что возмездия в ситуации, когда убийца нападает на женщину, пошедшую за четвертак в проститутки, чтобы оплатить квартиру, с которой ее гонит домохозяин, возмездия равно заслуживает как Джек, так и этот самый домохозяин квартиры-берлоги¹. О насилии в политической сфере говорит Славой Жижек, когда пытается ответить на вопрос, почему Троцкий, противопоставляя буржуазной демократии диктатуру пролетариата, называет вторую именно диктатурой, а не «истинной демократией» или «властью пролетариата». Выводы Жижека такие: «Дело в том, что здесь “диктатура” означает не нечто противоположное “демократии”, но основной способ функционирования демократии. С самого начала идея диктатуры пролетариата подразумевала, что она является анти-тезисом иных, уже существующих форм диктатуры. Называя либеральную демократию диктатурой буржуазии, Ленин и

Троцкий указывали не на простое понимание того, как на поверхностном уровне буржуазная демократия намеренно манипулируется элитным сообществом, которое, если оно проиграет выборы, продемонстрирует свое истинное лицо посредством прямого насильственного захвата власти. Они указывали на то, что сама форма буржуазной демократии следует буржуазной логике. Иначе говоря, следует использовать понятие “диктатура” именно в том смысле, что демократия — так же является диктатурой по чисто формальным признакам» [24, р. XV—XVI]. В этой связи можно вспомнить и то замечание Троцкого, что и «демократия появилась на свет не демократическим путем» [12, с. 275].

Троцкий и другие большевики, таким образом, имели своим нравственным импульсом как раз желание ответить силой существующему злу, защитить от политического и экономического насилия тех, кто оказывается жертвой классовой эксплуатации и террора, через организацию классового сопротивления. На этот счет Б. Кней-Пац писал: «Священность человеческой жизни не отвергалась в принципе; но для Троцкого она не была настолько абсолютной ценностью, чтобы затмить все остальные ценности» [19, р. 248].

Тут можно задаваться вопросом о соразмерности насильственных действий, а также и вообще об использовании в политике насилия в ответ на насилие. Троцкий отвечает на эти вопросы, предлагая пример из истории гражданской войны в США: «Вопрос даже не в том, какой из воюющих лагерей причинил или понес самое большое число жертв. У истории разные мерила для жестокостей северян и жестокостей южан в гражданской войне. Рабовладелец, который при помощи хитрости и насилия заковывает раба в цепи, и раб, который при помощи хитрости или насилия разбивает цепи, — пусть презренные евнухи не говорят нам, что они равны перед судом морали!» [12, с. 282] Но и до своей эмигрантской статьи о морали Троцкий пояснял примерно то же самое, но в более резкой

¹ Кропоткин П. А. Нравственные начала анархизма/ Лондон : Листковъ «Хлеб и Воля», 1907. С. 46/

и публицистически-агрессивной форме, продиктованной еще не закончившейся гражданской войной, в «Терроризме и коммунизме», где об этой гражданской войне как об актуальном моменте и шла речь: «Царская жандармерия душила рабочих, боровшихся за социалистических строй. Наши чрезвычайки расстреливают помещиков, капиталистов, генералов, стремящихся восстановить капиталистический строй. Вы улавливаете этот... оттенок? Для нас, коммунистов, его вполне достаточно» [14, с. 57].

Мнению о том, что благая цель может осуществляться только благими средствами, Троцкий, как мы видели, противопоставлял ту позицию, что благость и порочность относительно целей и средств не статичны, но динамичны, и часто в зависимости от ситуации одни и те же деяния разных групп могут иметь разную нравственную оценку. О такой его позиции Р. Хаиткулов писал: «С одной стороны, это радикальное отрицание какой-либо универсальной этики. С другой — место этики не остается пусто, его занимает политика, практика революции или же, на более абстрактном уровне, исторический прогресс» [15, с. 170]. Как и Хаиткулов, приводивший этические статьи Троцкого в качестве «наиболее примечательного примера традиционного марксистского взгляда на этическую проблематику» [15, с. 169], И. Дойчер называет выражение этих его взглядов в «Их морали и нашей» «решительным и красноречивым заявлением по этике коммунизма» [17, р. 1367]. Отечественный биограф Г. И. Чернявский также отмечает коммунистический характер морали Троцкого, но более ярко выраженно со знаком «минус», противопоставляя ее общечеловеческой нравственности [16, с. 275].

Однако у такого динамического, можно сказать, исторического понимания социального блага и зла есть и свои сильные стороны. Исторический материализм марксистской философии является достаточно сильным объяснительным методом. Он позволяет увидеть историческую диалектику в со-

бытиях и процессах, объяснить, как и почему на разных витках истории одни и те же общественные явления и движения могут быть как прогрессивными, так и регрессивными, приводить как к социальному добру, так и к социальному злу. Сам Троцкий использует взгляд исторической диалектики для того, чтобы объяснить установление сталинской диктатуры после Октябрьской революции. Он искал ответ на вопрос, как действительно важные социальные завоевания революции обернулись режимом диктата и несвободы. Причастность же самого Троцкого к такому результату борьбы русских социалистов за социальную справедливость была тем аспектом, признать который революционер так и не смог.

Мы в прежних работах указывали на еще один парадокс этических трудов Троцкого: «Отрицая этику, аморалист вместе с тем вынужден апеллировать к этическим нормам, пусть даже для оправдания своих зверств под видом “революционной целесообразности”» [6, с. 29]. И далее: «Получается, что Троцкий “мораль критикует с моральной же точки зрения”. Так, категорически отрицая угнетение, он фактически выступает с позиций абсолютной морали» [6, с. 30]. На это обращал внимание и И. Приморац, писавший о взглядах на террор Троцкого и других леворадикальных мыслителей: «Они (эти взгляды) сформулированы в моральных терминах и обладают формальными признаками, которые принято считать определяющими для моральных взглядов: они направляют к действию, универсальны и имеют первостепенное значение для тех, кто их придерживается» [21, р. 23].

Эту проблему замечал и решал уже упоминавшийся нами Петр Кропоткин, надо сказать, левый мыслитель более философичный, чем Троцкий. Его ответы по вопросам революции и проблем насилия могут быть вполне распространены на взгляды большевиков, явно попадая под область действия известного выражения Ленина: «Лучшее в анархизме может и должно быть

привлечено»¹. Кропоткин, как и Троцкий, и другие большевики, замечал в общественной морали ее классовую природу. Но он также писал о том, что эта мораль-идеология, по мере развращения и разложения правящих классов, начинает терять авторитет в глазах людей, и тогда все больше эта мораль критикуется. Тут происходит, по мнению Кропоткина, нечто очень важное и самое поразительное: «Чем больше люди подрывают основы ходячей нравственности (или, вернее, лицемерия, заступающего место нравственности), тем выше подымается нравственный уровень общества: именно в те годы, когда больше всего отрицают и критикуют нравственное чувство, оно делает самые быстрые свои успехи: оно растет, возвышается, утончается»². Далее Кропоткин приводит в пример русскую нигилистическую молодежь, которая, по его мнению, «отбросив уроки нравственности своих родителей и отвергнув все без исключения этические системы... выработала в своей среде ядро нравственных обычаев, обихода, гораздо более глубоко нравственных, чем весь образ жизни их родителей, выработанный под руководством евангелия, или “категорического императива” Канта, или “правильно понятой личной выгоды” английских утилитаристов»³.

Заключение: что такое этика Троцкого?

В конце нашего исследования мы вновь должны поставить этот немаловажный для истории отечественной мысли вопрос. Троцкий дал повод для многих дискуссий о природе этики и морали как в России, так и за рубежом, при том, что точная характеристика его собственных взглядов проблемна и неоднозначна.

Этот вопрос приобретает особое значение еще и потому, что этические позиции Троцкого в значительной

мере репрезентуют собой марксистскую этику в целом, достаточно неявно, при этом, прописанную в работах самого Маркса. Интересно и справедливо в этом плане замечание о сходстве ответов Троцкого и Сталина, на этические вопросы сделанное в разных формулировках и на несколько отличных примерах и А. Буллером [1, с. 124], и А. Д. Куманьковым [4, с. 139]. Данное наблюдение и показательно, и по-своему тревожно для тех, кто хотел бы радикально противопоставлять в этических аспектах личности Троцкого и Сталина. Мы говорим здесь именно об этических аспектах, поскольку политическое их различие и противопоставление кажется нам справедливым. Но важно, что исходят они из общего философского и ценностного фундамента марксизма. В этом, по нашему мнению, и причина того, что Сталин и Троцкий схожим образом оценивают роль насилия и других «грязных методов» в политике.

Чем же была, по существу, этика Троцкого? Некоторые исследователи характеризуют ее как аморализм ввиду чрезвычайной толерантности революционера к насилию. Нам это кажется спорным, поскольку, как мы видели, даже в аспекте критики морали Троцкий занимает во многом альтернативно моральную позицию. Она характеризовалась Б. Кней-Пацем как «крайняя форма утилитаризма» [19, р. 248]. Исходя из рассмотренного нами соотношения целей и средств в мысли Троцкого, эта оценка представляется справедливой. И. Приморац писал, что такие взгляды «не являются убедительной моральной позицией... но они *являются* (курсив автора — Р. Ш.) моральной позицией. Думать иначе — значит путать собственное моральное мировоззрение с моральной точкой зрения в принципе» [21, р. 24]. Крайне утилитаристские этические взгляды Троцкого мы предлагаем интерпретировать как один из вариантов макиавеллизма. Такое определение схватывает сущностный для этической мысли Троцкого способ соотносить средства с целями.

¹ Ленин В. И. Тезисы об основных задачах Коминтерна // В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 41. М.: Изд-во полит. лит., 1981. С. 444.

² Кропоткин П. А. Указ соч. С. 5—6.

³ Там же. С. 9.

Этические взгляды Троцкого, выстраиваются на радикальном отрицании старых систем морали, существовавших в мире колоссального социально-го и экономического неравенства. Этика Троцкого, безусловно, революционна, а кроме того — политизирована. Его этическое чувство спорно, и не всегда очевидно. Упрекать его, однако, во всяком отсутствии последнего, сложно. Троцкий, ярый марксистский практик, оказался соответствующим образом и блистательным теоретиком марксистского учения о морали — и эту заслугу нельзя отнять у него, даже если чрезвычайно критично относиться к названному моральному учению или к личности самого Троцкого. Взялся же он все-таки за заведомо проигрышную тему — обоснования безграничного революционного насилия. Он с «чистой совестью» фаната боролся за утверждение своего понимания справедливости, не гнушаясь при этом применением любых форм насилия над личностью и обществом, по сути, выражая позицию макиавеллизма. При этом вопрос, поставленный Достоевским о «слезинке ребенка» для достижения благой цели¹, само существование России его вовсе не беспокоили, ведь он хотел облагодетельствовать все человечество, а значит ставил себя вне и выше морали, этого «буржуазного предрассудка», ограничивающего политические притязания. Цель оправдывает средства, утверждение революционной власти, построение идеального общества требуют жертв, и не суть важно, сколько будет их принесено на алтарь победы. Однако запущенный маховик насилия не остановить так просто, погубил он и самого Троцкого.

1. Буллер, А. Мораль и язык большевизма / А. Буллер // Этическая мысль. — 2020. — Т. 20, № 1. — С. 112—129. — DOI: 10.21146/2074-4870-2020-20-1-112-129. — EDN RXKBHC.

¹ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Ф. М. Достоевский. Полное собрание сочинений : в 30 т. Т. XIV. Л. : Наука, 1976. С. 223.

2. Гусейнов, А. А. Этика Троцкого, или о важнейшем моральном уроке Октябрьской революции и советского социального эксперимента / А. А. Гусейнов // Ведомости прикладной этики. — 2018. — № 51. — С. 94—111. — EDN ORPJXV.

3. Дьюи, Дж. Цели и средства / Дж. Дьюи // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1991. — М. : Республика, 1992. — С. 245—250.

4. Куманьков, А. Д. Нравственная оценка войны в русской марксистской мысли 1910—1930-х гг. / А. Д. Куманьков // Этическая мысль. — 2021. — Т. 21, № 1. — С. 135—147. — DOI: 10.21146/2074-4870-2021-21-1-135-147. — EDN AWTSCW.

5. Монк, Р. Бертран Рассел. Том 2: Призрак безумия, 1921—1970 / Р. Монк. — М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. — 696 с.

6. Нижников, С. А. О соотношении цели и средств в гуманистической политике / С. А. Нижников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2013. — № 3. — С. 28—38. — EDN RAOZMV.

7. Рассел, Б. Практика и теория большевизма / Б. Рассел. — М. : Наука, 1991. — 128 с.

8. Рессель, Б. Троцкий о наших грехах / Б. Рессель // Л. Д. Троцкий. Куда идет Англия? Выпуск второй. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. — С. 70—74.

9. Рорти, Р. Случайность, ирония, солидарность / Р. Рорти. — М. : Русское феноменологическое общество, 1996. — 282 с.

10. Сартр, Ж.-П. Проблема цели и средства в политике (Из «Тетрадей по морали») / Ж.-П. Сартр // Этическая мысль. Научно-публицистические чтения. 1991. — М. : Республика, 1992. — С. 251—263.

11. Троцкий, Л. Д. Еще раз о пацифизме (Ответ Бертрану Расселю) / Л. Д. Троцкий // Л. Д. Троцкий. Куда идет Англия? Выпуск второй. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1926. — С. 49—63.

12. Троцкий, Л. Д. Их мораль и наша / Л. Д. Троцкий // Л. Д. Троцкий.

Революционерам. Антология позднего Троцкого. — М. : Родина, 2022. — С. 252—296.

13. Троцкий, Л. Д. Куда идет Англия? / Л. Д. Троцкий. — М. ; Л. : Государственное издательство, 1925. — 171 с.

14. Троцкий, Л. Д. Терроризм и коммунизм / Л. Д. Троцкий. — Петербург : Государственное издательство, 1920. — 179 с.

15. Хаиткулов, Р. Марксизм и/или этика / Р. Хаиткулов // Синий диван. Журнал. Выпуск 16. — М. : Три квадрата, 2011. — С. 165—183.

16. Чернявский, Г. И. Лев Троцкий / Г. И. Чернявский. — М. : Молодая гвардия, 2010. — 665 с.

17. Deutscher, I. The Prophet. The Life of Leon Trotsky / I. Deutscher. — London ; New York : Verso Press, 2015. — 1551 p.

18. Day, R. B. The Blackmail of the single Alternative: Bukharin, Trotsky and Perestrojka / R. B. Day // Studies in Soviet Thought. — 1990. — № 40. — P. 159—188. — DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00818977>.

19. Knei-Paz, B. The Social and Political Thought of Leon Trotsky / B. Knei-Paz. — Oxford : Clarendon Press, 1978. — 629 p.

20. Mandel, E. Trotsky as Alternative / E. Mandel. — London, New York : Verso Press, 1995. — 186 p.

21. Primorats, I. What is Terrorism? / I. Primorats // Terrorism. The Philosophical Issues. — New York : Palgrave Macmillan, 2004. — pp. 15-27. — DOI: https://doi.org/10.1057/9780230204546_2.

22. Saccarelli, E. Gramsci and Trotsky in the Shadow of Stalinism. The Political Theory and Practice of Opposition / E. Saccarelli. — New York ; London : Routledge. Taylor & Francis Group, 2008. — 308 p. — DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203929735>.

23. Traverso, E. Bohemia, Exile and Revolution: Notes of Marx, Benjamin and Trotsky / E. Traverso // Historical Materialism, volume 10:1. — Leiden : Koninklijke Brill NV, 2002. — P. 123—153. — <https://doi.org/10.1163/156920602760231686>.

24. Žižek, S. Foreword: Despair and Utopia in the Turbulent Year of 1920 / S. Žižek // L. Trotsky. Terrorism and Com-

munistism. — London ; New York: Verso Press, 2007. — P. VII—XXXII.

References

1. Beller, A. (2020) Moral i yazyk bolshevizma [Morality and Language of Bolshevism]. *Eticheskaya mysl'*, no. 1, pp. 112—129. DOI: [10.21146/2074-4870-2020-1-112-129](https://doi.org/10.21146/2074-4870-2020-1-112-129) (in Russ).

2. Gusejnov, A. A. (2018) Etika Trockogo, ili o vazhnejšem moral'nom uroke Oktyabr'skoj revolyucii i sovetskogo social'nogo eksperimenta [Trotsky's Ethics, or About the Most Important Moral Lesson of the October Revolution and the Soviet Social Experiment]. *Vedomosti prikladnoj etiki*, no. 51, pp. 94—111 (in Russ).

3. Dewey, J. (1992) Celi i sredstva [Means and Ends]. In: *Eticheskaya mysl'*. *Nauchno-publicisticheskie chteniya*, 1991. Moscow, Respublika, pp. 245—250 (in Russ).

4. Kuman'kov, A. D. (2021) Nravstvennaya ocenka vojny v russkoj marksistskoj mysli 1910-1930-h gg. [Moral Assessment of War in Russian Marxist Thought in the 1910-1930s]. *Eticheskaya mysl'*, no. 21, pp. 135—147. DOI: [10.21146/2074-4870-2021-1-135-147](https://doi.org/10.21146/2074-4870-2021-1-135-147) (in Russ).

5. Monk, R. (2023) Bertran Rassel. Tom 2: Prizrak bezumiya, 1921—1970 [Bertrand Russell. Volume 2: The Ghost of Madness, 1921—1970]. Moscow, Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 696 p. (in Russ).

6. Nizhnikov, S. A. (2013) O sootnoshenii tcelej i sredstv v gumanisticheskoy politike [On the Correlation of the Goal and Means in Humanistic Politics]. *Vestnik RUDN, Seriya Filosofiya*, no. 3, pp. 28—37 (in Russ).

7. Rassel, B. (1991) Praktika i teoriya bol'shevizma [The Practice and Theory of Bolshevism]. Moscow, Nauka, 128 p. (in Russ).

8. Rassel, B. (1926) Trockij o nashih grekhah [Trotsky on Our Sins]. In: Trotsky L. D. «Kuda idet Angliya? Vypusk vtoroj». Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 70-74 (in Russ).

9. Rorty, R. (1996) Sluchajnost', ironija, solidarnost' [Contingency, Irony, and Soli-

darity]. Moscow, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 282 p. (in Russ).

10. Sartre, J.-P. (1992) Problema celi i sredstva v politike (Iz «Tetradej po morali») [The Problem of Ends and Means in Politics (From «Notebooks for an Ethics»)]. In: *Eticheskaya mysl'. Nauchno-publicisticheskie chteniya*, 1991. Moscow, Respublika, pp. 251—263 (in Russ).

11. Trotsky, L. D. (1926) Eshhe raz o pacifizme (Otvét Bertranu Resselu) [Once Again About Pacifism (Reply to Bertrand Russell)]. In: *Trotsky L. D. «Kuda idet Angliya? Vypusk vtoroj»*. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, pp. 49—63 (in Russ).

12. Trotsky, L. D. (2022) Ih moral' i nasha [Their Morality and Ours]. In: *Trotsky L. D. «Revoljucioneram. Antologija pozdnego Trockogo»*. Moscow, Rodina, pp. 252—296 (in Russ).

13. Trotsky, L. D. (1925) Kuda idet Angliya? [Where is England Going?]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 171 p. (in Russ).

14. Trotsky, L. D. (1920) Terrorizm i kommunizm [Terrorism and Communism]. Saint Petersburg, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 192 p. (in Russ).

15. Khaikulov, R. (2011) Marksizm i/ili jetika [Marxism and/or Ethics]. *Sinij divan*, no. 16. Moscow, Tri kvadrata, pp. 165-183 (in Russ).

16. Chernyavskij, G. I. (2010) Lev Trockij [Leon Trotsky]. Moscow, Molodaja gvardija, 665 p. (in Russ).

17. Deutscher, I. (2015) The Prophet. The Life of Leon Trotsky. London, New York, Verso Press, 1551 p.

18. Day, R. B. (1990) The Blackmail of the Single Alternative: Bukharin, Trotsky and Perestroika. *Studies in Soviet Thought*, no. 40, pp. 159—188. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00818977>

19. Knei-Paz, B. (1978) The Social and Political Thought of Leon Trotsky. Oxford, Clarendon Press, 629 p.

20. Mandel, E. (1995) Trotsky as Alternative. London, New York, Verso Press, 186 p.

21. Primorats, I. (2004) What is Terrorism? In: *Terrorism. The Philosophical Issues*. New York, Palgrave Macmillan, pp. 15—27. DOI: https://doi.org/10.1057/9780230204546_2

22. Saccarelli, E. (2008) Gramsci and Trotsky in the Shadow of Stalinism. The Political Theory and Practice of Opposition. New York, London, Routledge, Taylor & Francis Group, 308 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203929735>

23. Traverso, E. (2002) Bohemia, Exile and Revolution: Notes on Marx, Benjamin and Trotsky. *Historical Materialism*, vol. 10, no. 1, pp. 123—153. DOI: <https://doi.org/10.1163/156920602760231686>

24. Žižek, S. (2007) Foreword: Despair and Utopia in the Turbulent Year of 1920. In: *Trotsky L. «Terrorism and Communism»*. London, New York, Verso Press, pp. VII-XXXII

For citing: Nizhnikov, S. A., Shafikov, R. A. (2024). Ethical views of L. D. Trotsky: the problem of violence. *Sotsium i vlast/Society and Power*, no. 2 (100), pp. 76—90. DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-76-90 (in Russ).

UDC 17.03; 32

EDN KDIKTW

DOI 10.22394/1996-0522-2024-2-76-90

ETHICAL VIEWS OF L. D. TROTSKY: THE PROBLEM OF VIOLENCE¹

Sergei A. Nizhnikov,

Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Professor of the Department
of History of Philosophy,
Doctor of Philosophy, Professor.
Moscow, Russia.
ORCID: 0000-0002-3456-2445
E-mail: nizhnikov_sa@pfur.ru

Rodion A. Shafikov,

Peoples' Friendship University of Russia,
named after Patrice Lumumba (RUDN University),
Bachelor of Philosophy.
Moscow, Russia.
ORCID: 0009-0004-4756-9170
E-mail: 1032201157@pfur.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the problem of substantiating morality in revolutionary activity using the example of L. D. Trotsky's articles. The relevance of the article is connected with its consideration of ethical ideas, which are largely common to Marxist and generally left-radical philosophy. In addition, the works of L. D. Trotsky that we are considering, for political reasons, entered into free scientific circulation relatively recently, and to date have not received a sufficient amount of versatile academic commentary, primarily philosophical. The purpose of the study is to analyze the position of L. D. Trotsky regarding the use of violence as a means of achieving political goals, to identify the main arguments and principles underlying his approach to this problem, and also to assess its influence on political thought and practice. As a result of the analysis, the authors strive to provide readers with a deeper understanding of the problematic ethical aspects of using violence in politics through the prism of the ideas and views of Leo Trotsky. **Methods.** The authors use historical and hermeneutic methods. The first allows us to explore the context of the time in which the ethical views

of L. D. Trotsky developed, and the second allows us to identify in his texts the basic principles and ideas characteristic of revolutionary radicalism. In addition, general scientific methods were used: analysis, synthesis, comparison and generalization, which made it possible to organize the material, identify patterns and draw conclusions based on a comparison of the ethical views of L. D. Trotsky with various ethical systems, highlighting their strengths and weaknesses in these views.

Scientific novelty of the research. The authors focus on the problematic substantiation of morality in the articles of L. D. Trotsky, primarily such as "Terrorism and Communism" (1920) and "Their Morality and Ours" (1938, written in exile). At the same time, Western research on this topic is analyzed, as well as the controversy that unfolded between Trotsky and Bertrand Russell. It is noted that based on the statements of F.M. Dostoevsky that building a just society is impossible with the help of immoral means, since the goal can be transformed depending on the methods of achieving it. The problematic nature of the concept of conscience and possible options for its inadequate interpretation are revealed: (1) when it replaces the moral and metaphysical ideal (I. Kant, L. Tolstoy), or (2) it is completely declared a "chimera", identified with selfish aspirations, the need to capture and retain power, hiding behind some ideals. It is indicated that the second position is characteristic of L. Trotsky, who tried to "morally" justify total revolutionary violence.

Results. The authors come to the conclusion that Trotsky's position is essentially an extremely utilitarian and revolutionary version of Machiavellianism, when, for the sake of an allegedly good goal, it becomes possible to carry out mass repressions, to sacrifice not only people, but also entire nations. It turned out that sworn political opponents, Stalin and Trotsky, assessed the role of violence in politics in a similar way. At the same time, the launched flywheel of violence cannot be stopped so easily; it destroyed Trotsky himself. Nevertheless, the fact that Trotsky addressed this item speaks to the importance of resolving the moral problems associated with revolutionary practice.

Keywords:

Trotsky,
Russell,
morality and politics,
nihilism,
revolutionary activity,
Marxism,
Bolshevism,
conscience,
ethics

Received: 14.03.2024

Accepted: 28.05.2024

Published: 06/30/2024

Copyright: © Nizhnikov S. A., Shafikov R. A. (2024).

Published by Chelyabinsk branch of RANEPa.

Open access under CC BY-NC License 4.0.

¹ This publication has been supported by the project RUDN University No. 100343-0-000 "Russian philosophy at the crossroads of cultures: in search of dialogue".